

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

Идея соловья

Сергей Магомет

Идея соловья

«Издательские решения»

Магомет С.

Идея соловья / С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745283-4

«Идея соловья» — программное произведение писателя. Вряд ли найдется в художественной литературе другая такая глубокая и реалистичная повесть о столь раннем и загадочном периоде человеческой жизни — младенчестве.

ISBN 978-5-44-745283-4

© Магомет С.
© Издательские решения

Идея соловья

Сергей Магомет

Иллюстратор Ван Гог

© Сергей Магомет, 2024

© Ван Гог, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4474-5283-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поднялся ветер между светом и тьмой.

Пролилась на камень вода.

Выполз из-под камня черный уж, заскользил по лугам, извиваясь в траве, пока не кинулся в реку и не обернулся пестрым окунем.

Поплыл окунь, рассекая воду, то поднимаясь, то уходя в глубину, пока не бросился на берег и не обернулся волком.

Побежал волк по лесам, не ведая усталости, пока не ударился оземь и не обернулся соловьем.

Полетел соловей по рощам, сбивая с листьев росу, пока не сел на горке в ракитовый куст, чтобы, оставаясь невидимым, пропеть в свой час.

И в блистающие летние полудни говорили, что он там – там внутри куста, и всякий раз я пытался раздвинуть ветви, напряженно искал его глазами, но, как ни старался, никогда не мог его увидеть.

«Он там, там внутри!..»

Куст был. И он был в нем... И был как будто его невидимым содержанием, его живой душой.

А потом нужно было спускаться с горки по тропинке, погрузившись в зеленую гущу, словно по потайному лазу, выводящему из тенистого сумрака к неожиданно сияющему проему, который и был входом в ту местность, где между грядой холмов, поросших орешником, и просторным синеватым лесом из отборных елей тянулись одна за другой маленькие летние поляны, соединявшиеся между собой естественными сужениями и постепенно нисходящие в далекое, тягучее марево, где волнистый и переливающийся, как река, воздух, был, вероятно, еще плотнее и слаще.

Над полянами грузно и прямолинейно проплывали жуки, которых можно было сбить на лету или даже схватить рукой. Крупные и красивые, как перстни: перламутровые, с отливом в прозелень. В спутанной, некошенной траве стрекотали пегие кузнецы, пускающие из пасти ядовито—коричневую жидкость, а на горячие пни садились бабочки—лимонницы со спиральками хоботков и мягкими припудренными брюшками со слизистыми кишочками.

В крепком медовом жаре лугового пышнотравья улавливалось прозрачное речное дыхание – потому что за еловым лесом действительно была река, и она должна была явиться – тихо, не широко разлившись – сразу за высокими елями.

Солнечные пригорки в лесу были обсыпаны перезрелой черникой и утыканы пучками пестрых лесных гвоздик. Одну из елей на пороге леса пощерила молния, словно посек топор,

а ветер завалил почти навзничь – так что ее паучьи корни оказались выворочены из почвы, и большую их часть поглотил огромный двугорбый муравейник, темно—медная плоть которого вся кипела, а расплзавшийся от нее, как дым, насыщенно терпкий и тепловатый муравьиный дух ударял в нос еще издали. Угольно—черные жужелицы с зазубренными рогами и резцами—челюстями, до крови прокусывавшими кожу, носились среди еловых стволов, облепленных бугристыми потеками пересохшей и побелевшей смолы. Словно засахарившаяся, смола вызвала искушение себя отведать и удивляла пряной стойкой горечью, никак не выветривавшейся потом изо рта. Под ногами валялись толстые и длинные еловые шишки. Одни блестящие и крепкие – как бы лакированные, а другие ощерившиеся, дочиста вылущенные белками. В низинах рос бурый хищный папоротник, и земля там была черной, голой и влажной.

Лес не становился ни гуще, ни реже, а был все так же приветлив и просторен, и небо между верхушками елей ярко синело. Тропинка пошла чуть под уклон вдоль кустов, обсыпанных мясистыми шариками несъедобной «волчьей» ягоды – то ли превращавшей человека в волка, то ли только для волков годившаяся в употребление. Несмотря на тень, было душно, и давала себя знать жажда. Оранжевые же ягодки костяники, плотно сидящие на стеблях в центре развесистых трилистников, попадались не слишком часто, а потом и вовсе пропали.

Наконец кусты разом раздались в стороны, и открылась река.

Под темным обрывчиком с мохнатым травяным воротником золотилась узкая полоска прибрежного песка. А чуть дальше, всего в нескольких шагах по берегу, профиль обрыва имел укромную ложбинку, – и там, едва выше уровня самой реки, бил ключ, забранный в маленький деревянный короб с песчаным дном, на котором, словно живые, пульсировали точки выхода подземных струй. Припав ртом прямо к роднику, несколькими разрешенными – чтобы не простудить горло – глотками можно было абсолютно утолить жажду, а на языке оставался чистый серебристый вкус.

Немного вниз по течению, и река как бы раздваивалась, обтекая продолговатую солнечную отмель с мертвыми кустиками без листьев и огромными черными валунами.

Между отмелью и берегом был брод, и нужно было снимать сандалии, носки, шортики, хорошо заворачивать все это в рубашку, чтобы потом, выстроившись по парам и придерживая на голове сверток с одеждой, медленно переходить реку.

Вода не поднималась выше пояса и была чуть прохладной, но продвигаться вперед было страшновато, потому что под заискрившейся от бликов поверхностью дно не просматривалось, и можно было лишь нащупывать его босыми ступнями. Кто—то уронил в воду сандалию, и она забавно поплыла от растяпы, плавно опускаясь под воду, пока ему, растерянному замершему на месте, ее не выловили.

А когда вышли на солнечную отмель, то для того чтобы лучше прогреться и загореть, было велено снять мокрые трусики, которые вместе с прочими вещами, побывавшими в воде, разложили на самом большом и горячем валуне, в трещинах которого застряли высушенные добела обрывки гирлянд—водорослей, колючих и со своим сильным речным запахом.

Черные камни утопали в мелком, беловатом песке. Среди них во множестве отыскивались половинки старых речных ракушек, жемчужно—радужных изнутри. Некоторые до того старые, что протерты до дыр. Весьма ценными представлялись осколки кремня, тоже водившиеся здесь в изобилии и которые можно было распознать среди обыкновенных камней по совершенно изумительному аромату, возникавшему при пощелкивании ими друг о друга, и, конечно, по высекавшимся при этом мельчайшим золотистым искоркам. Трудно было вообразить, сколько же еще огня содержалось у них внутри, если даже небольшое пощелкивание высекало столько искр.

С одной оконечности отмели, загроможденной валунами и упрямо выдававшейся вперед наперекор течению приподнятым уступом, виднелся свободный простор мелководья, похожий величиной и огруженностью на обширное гладкое озеро, а за этим водным простором виднелись еще леса, а между лесами разбросались луга и поля, а потом опять леса, уже лазурнее, чем вода и само небо, — и так далее, сколько мог достать глаз.

Перебравшись по жестким, обжигающим камням на заднюю оконечность отмели, очень удобно было пускать лодочками ракушки по вновь сливавшийся в одном потоке реке. Задерживая взгляд только на воде, казалось, что вся отмель движется, словно большой плот. Впрочем, берега, увы, оставались все так же неподвижны.

Русло за отмелью резко суживалось, течение образовывалось сильное и темное, с размашистыми завихрениями и глубокими омутами, и все плывущее по воде если не тонуло, затягиваемое в глубину, то плыло, выписывая красивые и сложные линии, лишь изредка сбиваясь под берег, чтобы застрять среди желтых кувшинок, но большей частью следуя главному направлению реки, которая узкой темноватой дорогой круто изгибалась, а потом, как бы увлекая дальше, скрывалась между близкими, чуть раскачивающимися высокими стенами леса.

Было доподлинно известно, что река текла прямо в *Москву* к самому дому, и, заглядываясь в даль, я представлял себе, что, может быть, именно над ним, над домом, парят те едва-едва различимые, невероятно далекие птицы, которые могли из своей небесной выси счастливо видеть, как где-то там, в той стороне, за рослыми темно—зелеными елями река продолжала течь и играть в ближних рябоватых лесах и в дальних, едва уж синевших и смутно выдвигавшихся из дымки горизонта тончайшими напластованиями, пока за многими своими петлями и поворотами не разливалась несравнимо шире, степеннее и тяжелее, а леса вдруг не отступали от реки и не исчезали.

Небо поднялось еще выше и сделалось еще необъятнее, и одновременно отовсюду открылся прекрасный вид на громадное, многоэтажное московское здание мрачно-стального окраса.

Дом внушительно вздымался над всей округой, выползая отвесным пегим носом на высокий холм, и казался еще громаднее с мощными статуями на плоской крыше, тяжело нависшими с лепных карнизов на фоне небесной синевы.

Две прямоугольные арки чернели в каждом крыле дома, одно из которых отворачивало от реки, утвердившись на холме с остатками выродившегося яблоневого сада, а другое, спускаясь, простиралось вдоль гранитной набережной.

Стальные скобы двух мостов, под которыми, словно пепел на ветру, трепались черные городские вороны, жестко держали тугую дугу набережной, а речная волна, прокатываясь по подножию полукруглых ступенчатых сходов к воде, встряхивала косматую бахрому речной тины.

Солнце сияло, и вода в реке горела, и в ярком свете летнего дня множество оконных стекол в доме матово чернело, а часть из них, по мере прохождения солнца, поочередно наливалась огнем.

И дом, и мосты, и пустынная, светлая набережная, словно опрокинувшись в реку, отражались в воде и взирали с речного дна на небо и солнце, под которыми, забравшись в предельную высь, плавали несколько острокрылых птиц, — тех самых, что могли охватить одним взглядом все пространства лесов и лугов, разметающихся от дома со статуями и арками до песчаной отмели и полян.

Из внутреннего двора, полного тополей и берез, пышно разросшихся в каменных объятиях многоэтажного дома, отъезжал допотопный полуфанерный автобус, около которого

взволнованно грудились родители, провожавшие на дачу небольшой домовый детский сад, а малыши, уже отрезанные от них в салоне автобуса, были рассажены по пузатым дерматиновым сиденьям и выглядывали наружу, поскуливая все громче и безутешнее.

Что—то произошло. Нельзя было выйти и обнять маму, соединиться с ней. А она ободряющими жестами напоминала, как хорошо там нужно кушать и как растолстеть, обеспокоено заглядывала в глаза и снова улыбалась, призывая к ответной улыбке. Замутненное дыханием стекло вдруг сделалось непреодолимым. И это была замкнутость даже не внутри автобуса, а куда как безнадежнее – внутри своего собственного тела, – где-то там, в груди, в голове обреченно билось что—то самое чувствительное, составлявшее сущность «я».

Толпа родителей и мама в ней уплыли назад и исчезли, а автобус вырuling из-под гулкой, глубоко прорезанной арки на ослепительный простор набережной.

Побуждаемые доброй воспитательницей, два десятка скулящих малюток все же отклеились от окон и затянули дорожную песенку – все дружнее и веселее.

Автобус плавно качало, Кое—кто достал и потихоньку сгрызал оказавшиеся в кармане сласти. Еще немного погода всех стал морить дорожный сон. А когда проснулись, автобус уже скакал по кочками проселка глубоко в подмосковных лесах. Солнце продолжало сиять, за окном пролетали одни зеленые елки, и все принялись подпрыгивать и такт тряске на тугих сиденьях, едва не врезаясь головами в потолок и развеселясь до того, что хохот и вопли нельзя было унять до самой лесной дачи.

А на заднем сиденье тряслись, уложенные кучей, холщовые мешочки с гостинцами, снаряженные родителями. Их не разрешалось трогать. Среди прочих виднелся особый красный мешок, на котором была нашита метка с особой надписью – еще не прочитывавшейся, но уже воспринимавшейся как что—то очень родное и относящееся исключительно ко мне – фамилия и имя.

География окруженной лесами усадьбы была проста и миниатюрна, а деревянная одноэтажная дача приземиста и грузна. Окна столовой с фасада дома глядели на маленькое пологое поле, выстеленное искристым клевером. Заросшая тропинка, обходившая поле справа, упиралась в белый однокомнатный флигелек—изолятор. На другой стороне поля влажно чернел деревянный барак—баня. Ближе к даче рос необычайно развесистый дуб, под которым было хорошо скрываться от солнца или дождя, хотя опадавшие с него отборные желуди чувствительно щелкали по макушке. У крыльца дачи вращалась в землю громадная махрово—ржавая бочка, наполненная до краев дождевой водой, куда мы бросали найденных в мокром утреннем клевере лягушат, размером с копейку, которые тут же ныряли в самую глубину, а как выкарабкались обратно – неизвестно, – возможно, на дне бочки имелся какой—то выход. Неподалеку от бочки стоял предлинный голубой рукомойник в виде жестяного желоба с торчащими вниз, словно сосочки, оловянными стержнями—затычками со шляпками на концах. Во время умывания каждый старался занять место с самого края, поскольку после того, как в желоб вливалось ведро воды, вода в начале желоба быстро иссякала и можно было не успеть смыть с лица мыло. По вечерам нас усаживали на две длинные скамейки для закаливания, и воспитательница проходила с огромной оцинкованной лейкой, поливая наши вытянутые вперед голые ноги водой, набранной из бочки, и каждый, попадая под процедуру, непременно взвизгивал. Чуть дальше располагалась детская площадка с качелями, песочницей и горкой, а за дачей, в глубине двора над крапивной бездной оврага, за которым начинался лес, прилепилась, словно гнездо, дощатая уборная. Ее оштукатуренные стены облупились, а внутри стоял выедавший глаза запах хлорки. Из круглых черных дырок в полу не то сквозило, не то парило, – туда и заглянуть—то было нельзя без содрогания. С трех сторон домик подпирали дремучие кусты «поганой» малины с тяжелыми ягодами, внутри которых зеленые и синие мухи откладывали

яички. Переспелые ягоды от собственного веса бесполезно срывались вниз, в овраг, и ворсистые листья лопухов были измазаны их темным соком.

Первый ужин считался праздничным. Были обещаны домашние гостинцы. Их начали разносить к чаю, но все содержимое холщовых мешочков оказалось прискорбно смешано, сыпано в так называемый «общий котел» и тщательно поделено. Мне достался какой—то чужой, холодный пирожок, в котором оказалось даже не повидло, а капуста, приплюснутое пирожное—розочка и две «раковые шейки»... Увы, увы, я так и не узнал, что же хранилось в моем, собранном мамой красном именном мешке. Мне было лишь известно, что мама собиралась вложить в него шоколадного зайца. Я отодвинул подальше надкушенный пирог с капустой и с тоской высматривал, что попало на соседние столы. Вот он, мой заяц! Какой—то кривляка уже обгрыз ему уши и дразнил им соседей.

Завтракали чаще не в столовой, а в открытой летней беседке среди зелени. Там к нашему приходу на столиках уже ждали тарелки с манной кашей и стаканы с густым горячим какао, пенки на котором были испещрены подергивающимися морщинками. На кусках хлеба желтели кубики масла в капельках воды, а в алюминиевой кастрюле лежали сваренные вкрутую яйца. По клеенке ползли жучки и муравьишки, а возле беседки, словно приколотые к пустоте, вдруг застывали в воздухе стремительные и беззвучные золотистые медовые мухи.

Прежде чем облупить яйцо, изыскивались способы его разбить. Например, об лоб зазевавшегося соседа или же как испытание собственного мужества – о свой, – что было весьма непросто, так как для достижения успешного результата требовался резкий и решительный удар.

Более вкусным, а следовательно, предпочтительным, считался яичный белок, который объедался в первую очередь, будучи аккуратно содран с яичного ядрышка. Идеальный желток, покрытый голубоватой пленочкой, либо едва надкусывался и выбрасывался, либо целиком уносился в кармане в качестве сувенира.

Еще один род «состязания» заключался в том, чтобы, постепенно наклоня тарелку, аккуратно подьедать уже подостывшую и загустевшую вроде желе манную кашу, которая плавно съезжала к краю, а опустевшая тарелка оставалась идеально чистой, не нужно и мыть.

Какао же просто выпивалось без остатка вместе с осевшей на дно стакана гущей. Лишь кожистая, сморщенная пенка, вызывавшая чувство гадливости, выживалась и быстро куда—нибудь откладывалась. Может быть, в стакан тому же зазевавшемуся соседу.

Между завтраком и обедом происходило нечто загадочное. Воспитательница отзывала меня и, заведя в закуток между крыльцом и бочкой, доставала откуда—то синюю круглую железную баночку и, торопливо намазав на заранее приготовленный бутерброд с маслом слой черной зернистой икры, немедленно скармливала мне. Я с удовольствием набивал за щеки нежно—соленую снедь, которая была так вкусна, что проглатывалась как бы сама собой, и снова бежал играть.

Среди забав, открывшихся на даче, одной из странных и излюбленных было сражаться с осами. Когда в глубине двора вдруг обнаруживалось в кустах или земле осиное гнездо, мы вооружались кто чем мог и по сигналу бросались в атаку, закидывая его палками, комьями земли, песком, заливая водой, и тут же бежали прочь, спасаясь и увертываясь от разозленных ос, а затем с гордостью показывали друг другу кого куда укусило и рассматривали маленькие красноватые укусы, вздувавшиеся на коже и любовно затираемые слюной.

Почти каждый день нас водили по лесной, заброшенной и заросшей травой кривой дороге в прохладную, почти недоступную для солнца чашу, где между огромных старых елей прятались укромные ягодные места, и мы расползались по поляне, лакомясь удивительной лесной клубникой, которая даже созрев, оставалась сахарно—белой, едва розовой, – но сладости и аромата необычайных, ни с чем не сравнимых.

В одну из первых ночей мне приснился бугристый вечерний луг и золотисто—зеленый домик. Было очень тихо и спокойно. Я вошел внутрь и тогда увидел, что вверху нет крыши, – только синее вечернее небо, а на белом и гладком, словно мраморном полу извиваются и переплетаются кольцами небольшие черные змеи. Я выскочил из домика и куда—то убежал. И хотя я понимал, что бегаю—то я в любом случае быстрее, чем они ползают, однако какое—то неприятное, тягостное чувство не покидало меня, – якобы оттого, что эти змеи отличаются каким—то навязчивым упорством и медленно, но верно, может быть, потянутся за мной, как далеко бы я не убежал.

За черными окнами просторной спальни палаты, застекленной, как летняя веранда, стояло ровное ночное стрекотание, а я лежал в полусне, скрючившись под одеялом и старался отвлечься и перетерпеть распиравшие живот приступы, которые нарастали и делались все мучительнее. Дощатая уборная над оврагам была где—то бесконечно далеко, в глухой ночной мгле. Нельзя было и мечтать добраться туда. Столь же невозможным казалось нарушить сонную тишину, окликнуть нянечку или, поднявшись, самому пойти к ней. Чувствуя, как лоб и ладони покрываются маслянистой испариной, я изо всех сил уговаривал живот успокоиться и сдерживал дыхание, чтобы не шевелиться и даже шорохом или скрипом кровати не обнаружить себя. Уже корчась и сплетая ноги в косу, я отчаянно звал про себя маму и, как бы надеясь последним усилием обмануть или заговорить напасть, горячо лепетал в подушку что—то вроде заклинания: «Мамочка, лапочка, рыбочка, яблочко, курочка, девочка, елочка, кошечка, звездочка...» И в этом полубреду я все—таки поднял себя из постели и между двумя рядами кроватей (для мальчиков и девочек) прошел босиком к двери, за которой виднелся слабый свет, и толкнул ее.

– Что ты, сыночек? – поднялась навстречу воспитательница и, сообразив, сразу же подхватила меня в охапку и устроила над дежурным ведром, холодные края которого прокатились по моим ягодицам.

Потом она задержала меня около себя, еще дрожащего, и, заглянув в глаза, улыбнулась и тихонько спросила, может быть, я хочу полежать с мамочкой, ведь я ее сыночек, так?.. И действительно уложила с собой, пока все остальные спали в общей палате, и, обняв ее, я согрелся и уснул.

Совершенно особенными, благолепными были банные дни. Девочек мыли первыми – из—за возни с их длинными волосами, – и мы, мальчики, долго дожидались своей очереди на скамеечке около барака—бани, что на краю клеверного поля. Пахучий белый пар вылезал из окошка и из—под двери, а на почерневшей наружной стене проступали мельчайшие капельки влаги. Когда глянцево румяные, с блестящими глазами и туго заплетенными косами девочки высыпали на воздух, мы толкаясь спешили внутрь. И все внутри было приятно—осажаемым и возбуждающим – деревянные скользкие скамейки, влажные деревянные решетки на полу, голые стены и легкий туманец. Раздев, нас заводили в небольшую залу с шершавым цементным полом. Посреди залы помещалась широкая скамья с приготовленными жестяными шайками, полными воды, в которой плавали узкие морские губки—мочалки, обшитые белой тесьмой. Рядом с шайками были разложены кусочки темного, как воск, мыла. Из стены, словно клешни, торчали два крана – с холодной водой и кипятком. Нас отмывали и оттирали до «скрипа» – то есть до тех пор, пока волосы и кожа не начинали характерно поскрипывать,

если по ним провести кончиком пальца. Когда мы возвращались обратно в предбанник, то обнаруживали, что грязная одежда уже исчезла, а вместо него появлялось сложенное аккуратными стопочками чистое белье. Это и был тот самый долгожданный момент. Я заранее мечтал увидеть свои любимые вещи и очень волновался, чтобы они оказались в определенном сочетании: черные шорты с металлическими заклепками и клетчатая черно—зеленая рубашка с погончиками, — каково же бывало мое радостное удивление, когда я непременно находил их отложенными вместе!.. И уж, конечно, я догадывался, кто именно позаботился о подборе. Только один человек мог это знать — мама.

То, что это она, должно было для всех оставаться тайной, а мне было открыто в первый же дачный день. Многие плакали и тосковали по дому, но, несомненно, мне единственному воспитательница вдруг нашептала, что я здесь буду у нее «самым любимым», ее «сыночком», — так якобы они заранее условились с моей настоящей мамой, вот в чем секрет. «Милый, сыночек!» — она усадила меня к себе на колени и вытерла слезы, пока остальные копошились вокруг. Это было чем—то вроде исключительной привилегии. Все слушались воспитательницу, всеми она командовала и за всеми присматривала, но я для нее, оказывается, был дороже всех. Мы с ней — вдвоем, а остальные — отдельно от нас. Ведь выбрала почему—то именно меня... Она прижала меня к себе, и я действительно поверил и почувствовал, что опять «сыночек», — рядом с мамой.

А когда я знал, что мама рядом, то уже не был одинок и заперт во внутреннем пространстве своего собственного тельца. Наоборот, я как бы снова соединялся со всем внешним миром — с небом и солнцем и с рекой и летними полянами под ними.

Разомлевших после бани, с лицами и ладонями, смазанными детским кремом, нас собирали под дубом. По очереди усаживали на табурет, обертывали шею твердой накрахмаленной салфеткой с синим штампиком в углу и подстригали волосы ручной машинкой, которая сверкала и щелкала, ловко обегая наши головы. Причем каждый мог выбрать «стрижку» по вкусу — с челкой или без.

После всех гигиенических процедур мы уже умирали от голода, и нас немедленно вели обедать. В столовой нас ждал свекольно—багровый борщ, в котором расплзался белоснежный ком сметаны, расплавлявшийся по краям золотистыми колечками жира, а рядом виднелся кусок разваренного мяса с тонкой прожилкой хрящика. На второе приносили стреляющую соком, хорошо обжаренную со всех сторон котлету с умасленной гречневой кашей и кругляшами соленого огурца. А на третье — стакан янтарно просвечивающего компота из сухофруктов с крошечными лиловыми грушами, изюмом, черносливом и разбухшими абрикосами.

Редкий обед можно было осилить весь целиком.

В нагрудный карман рубашки непременно вкладывался носовой платок, которым нужно было вытирать рот после еды. Я торопливо полез за ним, забыв, что положил в карман найденное в бане лезвие от безопасной бритвы. Я вспомнил о нем, только когда почувствовал, как оно глубоко прорезало подушечку указательного пальца, и, выдернув руку, увидел, что кончик пальца рассекся надвое, и из пореза быстро вырастает тяжелая, словно вишня, кровавая капля, которую я тут же подхватил губами, ощутив необыкновенный вкус собственной крови, — это было то, что заключалось внутри меня, то есть я сам, но, с другой стороны, как бы указывало на то, что я, ощутивший это, был чем—то совершенно иным — во всяком случае, не этим рассеченным пальцем и не этой кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.